

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ВЕНЕТОВ, ПОКОРЕННЫХ ЭРМАНАРИХОМ

SOME CONTROVERSIAL QUESTIONS OF LOCALISATION AND ETHNICAL IDENTIFICATION OF VENETS, SUBDUED BY ARMANARICH

**S. Yartsev
N. Lebedinets**

Summary. This research is devoted to the complex problems of the ethnical identification and territorial localisation of venets subdued by the goths governor Armanarich in the IV century. The VIc.author Iordan's narration is the main source of the research, his message contradiction being the slavonicethnogenesis most important problem as well. Antique authors' Pliny, Tacitus and Ptolemy accompanying facts about the venets/veneds, including the Pevtinger map material, have contradictory data and don't give the opportunity to locate exactly and to identify ethnically this nation. Butwhile identifying venets with archaeological memorials, the least of contradictions arise when we compare them with the population of posdnezarubinecs culture chronological horizon and especially with the kiev culture memorials. The scientists agree that the starting point of eastern slavonic nations formation is undoubtedly the zarubinecs culture crisis and disintegration.

To the authors mind just at this time some forced migrant groups get from their new neighbours the archaic name of venets. Soon this denomination comes within eyeshot of romans being reflected in the sources. Through the name of venets, in all probability, was never the self-name of the people of posdnezarubinecs and kiev culture settlements, as well as of later slavs, Iordan knew well that at his time the goths called the latter vandams.

Just due to this reason he tried to explain this phenomenon in his work. But he had to transfer the VIc.events, when the slavs really existed, to the IVc., when there were no slavs and goths called venets some other neighbours. Such a transfer of venets-slavs from the VIc.to the IVc. was desperately necessary to Iordan because it showed the reader that in the past all the slavs, raging everywhere now, incompliantly obeyed to the Armanarich hold.

Keywords: venets, goths, slavs, Armanarich, zarubinecs culture, pshevorsk culture, kiev culture.

Ярцев Сергей Владимирович

*Д.и.н., доцент, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
s-yartsev@yandex.ru*

Лебединец Наталия Викторовна

*К.полит.н., доцент, Тульский государственный педагогический университет
Им. Л. Н. Толстого
lebedinecnv@mail.ru*

Аннотация. Исследование посвящено сложным вопросам этнической идентификации и территориальной локализации венетов, покоренных в IV веке готским правителем Эрманарихом. Главным источником исследования является рассказ об этих событиях автора VI в. Иордана, неоднозначность сообщения которого является, в том числе, важнейшей проблемой славянского этногенеза. Сопутствующие сведения о венетах/венедах античных авторов Плиния, Тацита и Птолемея, включая материал Певтингеровой карты, содержат противоречивые данные и не позволяют точно локализовать и этнически идентифицировать этот народ. Однако, в ходе идентификации венетов с археологическими памятниками, меньше всего противоречий возникает, при их отождествлении с населением культур поздnezарубинецкого культурно-хронологического горизонта и особенно с памятниками киевской культуры. Исследователи согласны, что отправной точкой процесса формирования восточных славянских народов, безусловно, является кризис и распад зарубинецкой культуры. По мнению авторов, именно в это время, некоторые группы вынужденных мигрантов, получают архаичное имя венетов от своих новых соседей. Вскоре это наименование попадает в поле зрения римлян, что и находит свое отражение в источниках. Несмотря на то, что имя венетов, по всей вероятности, никогда не являлось самоназванием жителей поселений поздnezарубинецкой и киевской культур, а также более поздних славян, Иордан хорошо знал, что в его время, готы называли последних, вендами. Именно по этой причине, он предпринимает попытку объяснить в своем труде данный феномен. Однако, при этом, ему приходится спроецировать события VI века, когда действительно существовали славяне, на IV век, когда такого народа еще не было, а венетами готы называли совершенно других своих соседей. Такой перенос венетов-славян из VI века в события IV столетия, был крайне необходим Иордану, так как показывал читателю, что свирепствующие сейчас повсеместно славяне, в прошлом все безропотно подчинялись власти Эрманариха.

Ключевые слова: венеты, готы, славяне, Эрманарих, зарубинецкая культура, пшеворская культура, киевская культура.

Среди народов покоренных готским правителем IV в.н.э. Эрманарихом, Иордан упоминает и венетов. В переводе Е.Ч. Скржинской этот фрагмент звучит так: «После поражения герулов Германарих двинул войско против венетов, которые, хотя и были достойны презрения из-за [слабости их] оружия, были, однако, могущественны благодаря своей многочисленности и пробовали сначала сопротивляться. Но ничего не стоит великое число негодных для войны, особенно в том случае, когда и бог попускает и множество вооруженных подступает. Эти [венеты], как мы уже рассказывали в начале нашего изложения,— именно при перечислении племен,— происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавенев. Хотя теперь, по грехам нашим, они свирепствуют повсеместно, но тогда все они подчинились власти Германариха» [Iord.Get.,119] [9, с. 90]. В другом месте Иордан уточняет, что Дакию «наподобие короны, ограждают скалистые Альпы. У левого их склона, спускающегося к северу, начиная от места рождения реки Вистулы, на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами» [Iord.Get.,34–35] [9, с. 71–72].

А. Н. Анфертьев, критически восприняв данный текст Е.Ч. Скржинской, принципиально перевел его ключевое место, несколько по-другому: «Они же, как мы сказали в начале [нашего] изложения или в каталоге народов, произойдя из одного корня, породили три народа, то есть венетов, антов и славян, которые, хотя теперь свирепствуют всюду, по грехам нашим, тогда, однако, все подчинялись власти Херманарика» [Iord.Get.,119] [2, с. 111]. Как видим, этот вариант перевода, однозначно предполагает наличие в Барбарикуме, помимо исторических антов и славян, еще и древних венетов, что не может не вызывать вопросов.

Стремясь преодолеть данное противоречие, Д. А. Мачинский предложил новый перевод спорного текста: «Они же [венеты] как мы сказали в начале [нашего] изложения или в каталоге народов, произошедшие от одного корня, три ныне названия произвели, то есть венетов, антов и склавенев; эти, хотя, по грехам нашим, ныне свирепствуют всюду, тогда, однако, все подчинились власти Херманарика» [Iord.Get.,119] [18, с. 30]. В этом варианте перевода, венеты в тексте Иордана выступают в качестве общего названия того народа, части которого теперь называются преимущественно склавенами и антами. Другими словами, венеты во времена Иордана оказываются известными под тремя именами венетов, склавенев и антов, из которых первое является общим и древним, а остальные современными для автора [19, с. 436–438].

Обратим внимание, что в любом из предложенных вариантов перевода текста Иордана, наличие венетов покоренных Эрманарихом в IV веке, большинством из ученых не оспаривается. Действительно, несмотря на фольклорный характер источника Иордана в данном месте своего труда [61, s. 252–257], оригинальные сведения об этом древнем народе, явно свидетельствуют в пользу реального существования указанных варваров в римскую эпоху. Правда мы не знаем, являлись ли они, собственно историческими венетами или были лишь названы этим древним именем. Этнической и территориальной идентификации венетов покоренных Эрманарихом, также мешают некоторые трудно разрешимые противоречия в тексте Иордана, как например, расхождение сведения о трех самостоятельных народах, с сообщением о венетах — предков славян. В последнем случае венеты Иордана должны быть идентичны венетам/венедам Плиния, Тацита и Птолемея, что порождает следующий ряд противоречий [2, с. 154, пр. 201].

Как уже не раз отмечалось, устоявшаяся концепция традиционно связывает венетов Плиния, Тацита и Птолемея с Вислой. Следовательно, если Иордан называет венетов предками славян, то именно Повисленье является центром славянских земель, где и должны находиться многие достаточно древние археологические и языковые материалы славян. Исходя из этой точки зрения, венеты античных источников — славяне, а славянская принадлежность археологических памятников данного региона в этой концепции, должна приниматься за аксиому. Ненадежность такой аргументации, очевидна [41, с. 31–35, пр.23].

Конечно, в позднее время славян действительно называли венетами, как это делали, например, прибалтийские финны. Но это название может восходить к прибалтийско-скифской эпохе, когда у последних еще не было контактов со славянами, и первоначально относилось к другим соседям — действительно венетам Тацита и следовательно, было перенесено на славян, переселившихся в северо-восточном направлении, значительно позднее [2, с. 127–132, пр.102]. Однако происхождение славян и антов «из одного корня», подтверждают и другие авторы, свидетельствующие об их близком родстве. Так, Прокопий говорит об этнокультурной близости славян и антов, и их общем в прошлом, имени «споры» [Procop., IV, VII, 14, 22–30]. Однако если следовать точному смыслу текста Иордана, склавлены и анты не тождественны всем ранее известным венетам, но составляют лишь одну из многих современных ему их групп. Другими словами, только в его время, какая-то часть венедов стала называться славянами [43, с. 55–59, пр. 2] и антами. Тем не менее, многие исследователи никогда не сомневались, что венеты, покоренные Эрманарихом, являлись именно славянами [60, s. 99; 48, s. 361; 62, s. 88]. При этом их совершенно не смущало то, что анализ письменных

свидетельств о венетах первых веков н.э., не дает оснований делать такие выводы.

Венеды упомянуты Плинием I в.н.э. в контексте устаревших этногеографических представлений автора [Plin. Nat. Hist., I, II, 67, 170; V, VI, 7.18–19], и поэтому не могут рассматриваться в отрыве от особенностей его «Естественной истории» [41, с. 32–33, пр. 23]. По мнению Ф.В. Шелова-Коведяева упоминание венетов на Висле, может быть связано с мифической рекой Эридан, соединяющей Северный океан со Средиземным морем, и по которой в цивилизованные страны поступал янтарь. Главный же Янтарный путь в первых веках нашей эры пролегал с севера на юг по Висле, затем вверх по Дунаю и его притокам, а потом, пройдя по притокам По и самой реке (в бассейне которой могли жить венеды), завершался в ее устье. Так как венеды являлись участниками заключительного этапа янтарного пути и поэтому их могли считать главными поставщиками янтаря. Может поэтому, Плиний и упомянул их в связи с Вислой [41, с. 35, пр. 23]. Однако этноним венетов/венедов (Veneti, Venethi, Venetes, Venedi, Beneti, Eneti), учитывая довольно широкое распространение в Европе и в Малой Азии, никогда не являлся самоназванием славян [56, с. 34; 64, с. 68]. Очевидно, что этим термином обозначали совершенно разные народы, ведь их язык отличался между собой, как например, у кельтских и италийских венетов [Pol., II, 17]. Даже форма написания данного этнонима отличается у разных авторов: Venedi — у Плиния [Plin. NH., IV, 97], Venethi — у Тацита [Tac. Germ., 46], Οὐενέδαи — у Птолемея [Ptolem., III, 5, 7, 8], Venethi/Venethae — у Иордана [Iord. Get., 34, 119]. Тем не менее, в ономастике германских и кельтских племен (ср. имя царя квадов — Ванний) и этнонимике Европы (на Рейне, в Альпах; в Ирландии; в Британии), был широко распространен корень Wenn — Wann, по-видимому, уходящий своим происхождением в древние времена. В этом случае, мы имеем дело с архаикой, сохранившейся на периферии Средней и Западной Европы, и относящейся к совершенно разным неславянским народам [41, с. 33–34, пр.23]. Видимо, только после появления славян на территории древнего местопребывания венедов, они превратились в вендов для своих соседей [33, с. 116]. Возможно, этому способствовало и то, что в отличие от многих сложных наименований варваров, название венетов, было для римлян наиболее понятным, известным и удобным в произношении [52, с. 640]. В любом случае, сведения Плиния I в.н.э., вряд ли могут помочь в решении проблемы этнической идентификации и локализации венетов Иордана покоренных Эрманарихом [42, с. 40–44, пр.3].

Следующее свидетельство о венетах содержится в сочинении известного древнеримского историка I–II вв.н.э. Корнелия Тацита «О происхождении, расположении, нравах и населении Германии»: «Здесь граница Свевии. Я колебаюсь, причислить ли народы певкинов, венетов и фенов к германцам или сарматам. Впрочем, певкины,

которых некоторые называют бастарнами, в отношении речи, образа жизни, мест обитания и жилищ ведут себя как германцы. Все они живут в грязи, а знать в бездействии. Смешанными браками они обезображивают себя, почти как сарматы. Венеты многое усвоили из [их] нравов, ведь они обходят разбойничьими шайками все леса и горы между певкинами [Нижнее Подунавье и Карпаты] и фенами [саамы, жившие в Прибалтике севернее Немана [19, с. 512–513]]. Однако они скорее должны быть отнесены к германцам, поскольку и дома строят, и носят щиты, и имеют преимущество в тренированности и быстрой пехоте — это все отличает их от сарматов, живущих в повозке и на коне» [Tacit.Germ., 46.1–2] [42, с. 39].

Несмотря на все трудности идентификации венетов Тацита, оригинальные сведения об этом народе, вновь свидетельствуют, что речь идет о реально существовавшем народе. При этом, если по античным географическим представлениям, территория Восточной Европы принадлежала двум крупным этническим группам — германцам на западе и сарматам на востоке, то логично, что при упоминании в этих районах других народов, авторам приходилось выбирать между сарматами или германцами [30, с. 70–71]. Тем не менее, по мнению Ф.В. Шелова-Коведяева, в тексте Тацита отсутствует внутренняя мотивация сравнения венетов по занятию грабежом, именно с сарматами. Ведь территория последних не простиралась далее Карпат и не достигала Повисленья. Более того, перечень племен Свевии занимает практически все Повисленье, что совсем не оставляет места для венетов [Tacit.Germ., 43.2, 44.1]. Все это, по мнению ученого, не позволяет венетам занять место в реальной этнографии Германии [42, с. 40–44, пр. 3]. Однако заметим, что певкины в начале II в.н.э. достигли Прутско-Днестровского междуречья и Дунайской дельты [42, с. 40, пр. 2] (попянешти-лукашевская культура) и вступили в соприкосновение с сарматами. Поэтому упоминание Тацитом венетов в контексте с этими двумя народами, вполне оправдано, и не должно вызывать возражений. Правда, несмотря на это, очевидно, что точная локализация и этническая идентификация венетов по данным Тацита, также остается практически невыполнимой задачей.

В этой связи, в качестве дополнительного аргумента, нередко приводится титул «Венедикус», полученный императором Волусианом (251–253 гг.) за кампанию в Даккии [42, с. 43, пр. 3]. Однако данный титул, вполне может являться обычным девизом — политическим призывом к римлянам покорить все северные страны, вплоть до океана [33, с. 118]. Тем не менее, заметим, что именно в низовьях Дуная (в районах Буджакской степи между низовьями Дуная, Днестра и Прута) с начала III в.н.э. начинают фиксироваться памятники типа Этулия, которые А.В. Гудкова отождествляет с венетами [6, с. 271–304]. Заманчиво связать это оседлое население, генетически

связанное с зубрицкой группой археологических памятников и киевской культурой, с разбойничьими шайками, обходящими все леса и горы между певкинами и фенами. Особенно, если речь идет о самом начале миграции этого народа с северных районов на юг, что и могло послужить причиной информации о передвигающихся разбойничьих отрядах венетов. Однако, в свою очередь, точно локализовать на карте находящиеся в постоянном движении варварские отряды, исходя только из текста Тацита, абсолютно невозможно.

Мало чем может нам помочь в решении этого вопроса и «Географическое руководство» Птолемея II в.н.э. Давно было замечено, что вся венецкая номенклатура сосредоточена автором в юго-восточном углу Балтийского моря: Венедский (Гданьский) залив Сарматского океана (Балтики) [Ptol.Geogr., III, 5.1,7,10], сами венецы вдоль побережья этого залива [Ptol.Geogr., III, 5.7], в районе устья Вислы [Ptol.Geogr., III, 5.8] и севернее его [Ptol.Geogr., III, 5.9], а также Венедские горы в районе Восточнопрусского приморского плато [Ptol.Geogr., III, 5.5] [43, с. 50–55]. При этом вся эта венецкая приморская ономастика хорошо согласуется с сообщениями Корнелия Непота об индах доставляющих янтарь [Corn. Nep., fr. 7] и записками Гая Юлия Цезаря, лично победившим венетов в морском сражении [Caesar, De Bello Gallico, III, 8]. Данные венецы жили на Британских островах, являлись хорошими мореходами и принадлежали к кельтскому миру [41, с. 24–25, прим. 2]. Очевидно, что во всех этих случаях, венецы никакого отношения к славянам не имеют. Тем не менее, венецов Птолемея, так же как венетов/венецов Плиния и Тацита, нередко отождествляют именно со славянами [4, с. 5–37]. При этом даже утверждают о продвижении древнеславянских племен во II в.н.э. к Балтийскому морю. Однако стоит напомнить, что Птолемей при работе над своим трудом опирался на многочисленные сведения разновременных источников. В этом и ряде других факторов [8, с. 22–24], и кроется причина многих ошибок и противоречий в его тексте. Великий географ старался собрать наиболее полные сведения об окружающей ойкумене. По этой причине в его труде нередко нарушена географическая последовательность, а одни и те же этносы фигурируют под разными наименованиями. Пытаясь уместить на одном пространстве народы, населявшие данные земли в разное время, античный географ не только смешал этнонимы на создаваемой им карте, но и сместил на северо-восток всю этнографическую картину в целом. Все эти особенности Птолемеевой карты необходимо учитывать при попытке локализации венецов, опираясь на его сведения. Поэтому предполагать реальное переселение венецов к устью Вислы, вряд ли будет оправдано [43, с. 55–59, пр.2].

Казалось бы, с опорой на такие ненадежные и противоречивые сведения античных источников, иден-

тификация венетов Иордана становится практически невозможной. Крайней точкой зрения на эту проблему можно считать позицию А.Н. Анфертьева, убежденного в том, что рассказ Иордана о покорении венетов Эрманарихом, является чистой фикцией, сочиненной Кассиодором или его предшественником [2, с. 153, пр.197]. Более того, покорение Эрманарихом венетов, по своей достоверности, в ряде случаев, стало приравниваться к фантастической войне готов с египетским фараоном из того же источника [Iord. Get., 47] [33, с. 112–122]. Тем не менее, некоторые ученые, пытаясь разрешить противоречия письменных свидетельств о венетах/венецах, предложили не связывать между собою различные свидетельства об этом народе. Так, по мнению Г. Биркхана, удаленные друг от друга венецы, это племена различной этнической и культурной принадлежности, которые возникли независимо друг от друга [47, с. 201–202]. Однако приверженцы противоположной точки зрения, продолжают утверждать, что дошедшие до нас противоречивые сведения об этом народе, вполне могут относиться к остаткам единого древнего населения, имеющего иллирийское происхождение [59, с. 7–34]. Это обстоятельство, похоже, объясняет наметившиеся уже в античное время тенденции к объединению разных венетов в одно целое [Strabo, IV, 4,1; V, 1, 4–5]. Может быть и Иордан, пытаясь соединить антов и славян с венетами, отчасти находился под влиянием этой объединительной концепции. В любом случае, очевидно, что с легендарным именем венецов, возможно, связать любой малоизвестный народ, пришедший издалека, попавший в поле зрения империи и подходящий под определенные образные характеристики. Именно это и позволяет допустить возможность реального существования каких-то варваров, оказавшихся скрытых под этим архаичным именем и действительно покоренным Эрманарихом.

В доказательство этой точки зрения, можно привести важные данные, единственного уцелевшего от античности и дошедшего до нас в виде поздней копии, рисованного дорожника. Названный по имени одного из владельцев Певтингеровой картой, он являлся официальным справочником дорог Римской империи, предназначенным для государственных служащих, отправляющихся в путь [30, с. 63–68]. Исследователи, отмечая многослойность данной карты, в основном исходили из ее датировки между II и IV вв. [13, с. 54–55]. Несмотря на сильное смещение географических объектов из-за попытки изобразить населенные пункты вдоль дорог [31, с. 49], без учета подлинного масштаба [30, с. 63]), расположение основных рек Северного Причерноморья, относительно друг друга, воспроизведено верно [30, с. 73]. Имя венецов встречается в Певтингеровой карте дважды. Первый раз в виде слитно написанного Venadisarmatae, что вряд ли является ошибкой, ведь одиночные этнонимы отделены друг от друга точкой, а подобные слитные

наименования, таких дублетов не имеют [30, с. 75–76]. При этом вене́ды-сарматы расположены на самом побережье Северного океана, северо-западнее горного массива с названием *Alpes Bastarnice* (Бастарнских Альп). Считается, что это единственные на карте севернее Дуная (в данном его течении) горы, поэтому их определение как Бастарнских, несомненно указывает на северо-западные отроги Карпат. Восточнее от расположения вене́дов-сарматов (от районов верховьев рек Тисы, Прута, Днестра и Вислы) по побережью Северного океана упомянуты *Blastarni*, *Dacpetorogiani* (возможно свободные даки), затем, уже за устьем Танаиса, — неизвестные по другим источникам *Manirate* и страна *Saurika*, которая, находясь близ Меотиды, может быть понята или как испорченное название *Taurika* — Таврика или как страна саваров или свариков. Это может объяснить, почему Крымский полуостров на данной карте, не был специально выделен как полуостров [30, с. 69–70].

Второй раз имя вене́дов — *Venedi* нанесено Юго-Восточнее Бастарнских Альп, в междуречье Дуная и реки *Agalingus*, которая, беря начало на восточных склонах Карпат, впадает в Черное море северо-восточнее Дуная. Обычно ее отождествляют с Днестром. Вене́ды занимают последнее на востоке место в ряду названий: *Piti*, *Gaetae*, *Dagae*, *Venedi*. Расположение гетов и даков в районе Карпат, Днестра и Дуная, не вызывают сомнений, несмотря на присутствие здесь неких пити (гепидов?) [30, с. 73]. В этом случае, похоже, что применительно к *Venedi*, карта может указывать на памятники типа Этулия в Буджакской степи, как уже говорилось выше, принадлежавшие, по мнению А. В. Гудковой, именно вене́дам. Однако, несмотря на все высказанные предположения, искажение реальных координат географических объектов на Певтингеровой карте, и как следствие ошибочное смещение живших в глубине материка народов к морским берегам, свидетельствует, как минимум об осторожности, с которой необходимо подходить к сведениям данного источника [33, с. 118]. Во всяком случае, Певтингерова карта не сильно проясняет ситуацию с вене́дами. Очевидно, что решить данную проблему с опорой на сведения этой карты, вряд ли будет возможным.

Конечно, на определенные этнические контакты готов, может указывать и необычное имя Винитария (преемника Эрманарика по Иордану). А. Н. Анфертьев приводит подборку подобных имен, доказывая, что оба имени не были редкостью в германской среде уже в VI–VII вв. Не исключено, что композиты этого типа вообще представляют собой вторичные образования из более ранних имен, непосредственно образованных из этнонимов. Однако справедливо считается, что установить по особенностям появления этих имен, характер контактов готов с вене́тами и вандалами, а также эпоху, когда они происходили, не представляется возможным [2,

с. 146, пр.160]. Хотя, конечно, сама вероятность таких контактов, может косвенно свидетельствовать об исторической реальности событий гето-вене́тской войны.

Таким образом, противоречивые и запутанные сведения всех дошедших до нас источников, не позволяют точно локализовать и этнически идентифицировать вене́тов/вене́дов. В такой ситуации, очевидно, что на помощь должна прийти археология. Однако поиск этого легендарного народа с опорой на археологические источники, чрезвычайно сложен и также не находит среди ученых единой точки зрения. Диапазон мнений, на этот счет, достаточно широк, начиная от привязки вене́тов к культурам, имеющим отношение к славянскому этногенезу, и заканчивая оригинальной попыткой соотношения исторических вене́тов с вельбаркской культурой, традиционно считающейся готской [21, с. 147–150]. Наиболее популярной здесь концепцией, особенно до недавнего времени, являлась гипотеза, отождествляющая вене́тов/вене́дов письменных источников, в том числе и вене́дов-сармат Певтингеровой карты, с памятниками пшеворской культуры в междуречье Одера и Вислы. Однако когда одни исследователи считали эту культуру германской [49, с. 10–27], другие, наоборот, отстаивали, по большей части, ее славянское происхождение [35, с. 201–215; 36, с. 117; 37, с. 26; 38, с. 97–124]. В последнем случае, нередко утверждалось о существовании на данной территории в I–II вв. н.э. славянской вене́дской культуры [54, с. 65–89]. Оппоненты этой точки зрения, принципиально отождествляли все пшеворские памятники исключительно с вандалами, и обосновывали культурное единство последних с лугиями [51, с. 56; 50, с. 305]. Как известно, пшеворская культура существовала с конца II в. до н.э. до начала V в. н.э. на среднем течении Вислы, до Одера на западе и Волыни на востоке. В первых веках нашей эры племена — носители пшеворской культуры продвинулись далеко на юго-восток, до верховьев Тисы и Днестра, где, судя по Певтингеровой карте и обитали вене́ды. В. В. Седов, признавая участие как славянских, так и германских племен в создании пшеворской культуры, вычленил восточный ареал культуры как преимущественно славянский и связал его с вене́дами [36, с. 60–63; 30, с. 76], отождествив последних с вене́дами-сарматами Певтингерových таблиц [36, с. 117]. Но, в этом случае, вене́дами, могли быть названы не только пшеворцы-праславяне, но и пшеворцы-германцы, наличие которых в качестве вандальского этнического элемента восточногерманского мира, как уже говорилось выше, не вызывает сомнений [14, с. 173]. Борьба же готов с вандалами, разгромленными еще Геберихом, вполне могла продолжиться и при его приемнике — Эрманарихе [15, с. 209]. Однако то обстоятельство, что в рассказе Иордана о покорении вене́тов Эрманарихом, вандалы не были названы своим обычным именем, более склоняет нас к мысли о борьбе гот-

ского рикса, с какими-то другими, малоизвестными нам племенами, теснее связанными с готами и получившими от них собственно наименование венеты.

В отличие от приверженцев висло-одерской прародины славян, другая группа ученых, принципиально пытается разместить венетов, в точном соответствии с текстом Тацита, между певкинами (поянешти-лукашевские археологические памятниками) и фенами (памятниками дьяковской культуры). В этом случае, венеты/венеды обычно отождествляются с постзарубинецкими памятниками типа Рахна-Почеп в Среднем Поднепровье [57, s. 75–96; 58, s. 218–230], либо с памятниками зубрицкой культуры в западных районах Волыни и Подолии [10, с. 139], а иногда даже с древностями III–IV вв., так называемого «полесского белого пятна» в бассейне Припяти [19, с. 442–443]. В последнем случае, именно здесь, на берегах Припяти и ее притоках, по мнению И.О. Гавритухина и располагалась основная зона формирования ядра пражской культуры [5, с. 82–83]. В этой связи, историко-культурной основой данной раннеславянской культуры, было предложено считать зарубинецкую культуру Полесья II в. до н.э.—середины I в.н.э., правда только в позднем варианте [17, с. 94] и культуру поздней штрихованной керамики середины I в. до н.э.—первой половины III в.н.э., расположенную севернее Полесья. В результате неожиданного, даже, как говорят, «взрывного» перехода к позднему этапу культуры штрихованной керамики, здесь резко возросла воинственность ее носителей, началась миграция населения в южном направлении [7, с. 3–4, 53]. В ходе этого процесса, по мнению Д.А. Мачинского, носители культуры поздней штрихованной керамики попали под влияние элементов зарубинецкой культуры Полесья и на этом этапе стали соответствовать венетам Тацита. Новое население стало основным этнокультурным, языковым и, вероятно, генетическим предком этноса, создавшего в IV–V вв. корчакско-пражскую культуру и получившего известность с начала VI в. под именем *slavēne* [19, с. 564]. При этом ранний этап корчакско-пражской культуры второй половины IV в., хронологически соответствует первому историческому событию с участием славян, выступивших под именем венетов в войне с Эрманарихом [19, с. 445–449]. Однако, несмотря на все логические построения этой предложенной концепции, так и осталось неизвестным, как жители нескольких десятков небольших поселков, смогли «расплодиться» в миллионные орды исторических славян, и могли ли вообще [22, с. 96].

Тем не менее, известный исследователь славянских древностей Д.Н. Козак, был убежден, что именно зарубинецкая культура, явилась фундаментальной основой развития древнеславянской общности [11, с. 24–25], а сформировавшаяся на ее основе зубрицкая культура Поднестровья и Волыни, принадлежала к западной

части многочисленных племен венедов, описанных Тацитом [12]. Однако эти выводы не соответствовали широко распространенному мнению о принадлежности зарубинецкой культуры бастарнам [53, s. 147, 154; 55, s. 86; 44, с. 43–52; 45, с. 104–109]. Разрешая это противоречие, С.Е. Рассадин, даже попытался связать Тацитовых венетов с наследием именно бастарнской зарубинецкой культуры [32, с. 9–20].

Идентификация легендарных венетов, в контексте поиска раннеисторических славян, неизбежно приводила исследователей к дискуссии об атрибуции археологических памятников, прилегающих к черняховской культуре. При этом особое внимание, уделялось выявленным следам разрушений, так как они могли являться своеобразным маркером войн Эрманариха с соседними народами, в том числе и с венетами. А.М. Обломский, например, с походом Эрманариха на венетов, связал гибель поселений в верховье Дона [28, с. 152]. Правда верхнедонские поселения круга Каширка-Седелки, судя по материалу, вряд ли переживают середину IV в.н.э. [20, с. 42–84; 24, с. 122–140; 26, с. 88–89; 28, с. 143; 1, с. 163–164]. Сожжение домов и очистка данной территории от ушедших сюда ранее из Северного Причерноморья неких варварских групп, не захотевших подчиниться власти готов, скорее всего, произошла гораздо раньше, еще при Геберихе. Хотя, конечно, учитывая наличие на некоторых памятниках как минимум двух строительных периодов сгоревших построек [26, с. 87–89], борьба действительно была достаточно упорной.

Однако лучше всего соответствует походу Эрманариха на «многочисленных» венетов, археологический материал, отражающий более серьезное противостояние готов с населением позднезарубинецкого культурно-хронологического горизонта и киевской культуры [17, с. 94–96; 46, с. 243, 280–286; 29, с. 104–108; 39, с. 18–20; 26, с. 88; 63, р. 7–9, 55–60]. Выявленные здесь археологические артефакты, отчетливо документируют драматические события наступления готов на своих соседей, борьба с которыми, по всей видимости, перешла в затяжную войну с многочисленными трагическими эпизодами, связанными с пожарами, грабежами и захватом пленных. Более того, довольно четко фиксируется включение части носителей киевской культуры лесостепного левобережья в состав черняховского социума. Это притом, что в районе Деснинско-Сейминского Полесья наблюдается полное отсутствие контактов черняховского и киевского населения и присутствие довольно жесткой пограничной линии [25, с. 87–89]. Очевидно, что венеты действительно «пробовали сначала сопротивляться» [lord. Get., 119], чем осложнили продвижение готского населения на северо-восток. Поэтому, несмотря на то, что наступление готов на киевское население фиксируется уже с конца III в., массовая миграция черняховцев

на территорию Сейминско-Донецкой группы киевской культуры, станет возможной только со второй четверти IV в.н.э. [16, с. 143].

В отличие от затяжной борьбы с носителями киевской культуры, с обитателями этулийских поселений в низовьях Дуная (венедями А.В. Гудковой), черняховское население уживалось без кровопролитного военного противостояния. Несмотря на отдельные факты перекрытия этулийских поселений черняховскими, общий фон отношений, по мнению А.В. Гудковой, был, по-видимому, мирный. Неизвестно, ни одного разгромленного этулийского поселения [6, с. 369], что не позволяет связать венедов покоренных Эрманарихом с памятниками типа Этулия.

Таким образом, исходя из сведений наших источников, меньше всего противоречий возникает, при отождествлении венетов Иордана с населением культур позднезарубинецкого культурно-хронологического горизонта и с памятниками киевской культуры. Однако такое решение данной проблемы, в свою очередь, также вызывает ряд вопросов. С одной стороны, нельзя исключить того, что классическая зарубинецкая культура и генетически связанные с ней другие, схожие культуры, действительно были оставлены историческими бастарнами. Однако, с другой стороны, именно с этого культурного и хронологического уровня и начинают отчетливо проследиваться археологические трансформации, последние из которых, уже явно имеют раннеславянский характер. Может быть, в составе зарубинецкой культуры, помимо бастарнов, уже изначально находились люди, по своему происхождению принадлежавшие к кельто-иллирийскому кругу [19, с. 447], или воздействие различных факторов на пришедшее в движение варварское население, было настолько велико, что радикально изменило его социально-культурный облик. В любом случае, отождествление носителей зарубинецкой, киевской и последующих раннеславянских культур с венетами письменных источников, не соответствует всем остальным данным о европейских венетах/венедах, не имеющих никакого отношения к славянскому этносу. Разрешить данное противоречие, по нашему мнению, возможно, только допустив версию об искусственности славяно-венедской проблемы, созданной Иорданом после спроецирования им событий VI века в IV век [34, с. 168]. Другими словами, славяне-венеты, впервые были зафиксированы только в период начавшейся миграции и трансформации круга постзарубинецких древностей и киевской культуры в раннеславянские пеньковскую и колочинскую культуры, после чего были механически перенесены Иорданом в IV в. При этом возможно, что и в сложении корчакско-пражской культуры, по некоторым особенностям отличающейся от других раннеславянских культур, также приняли участие отдельные

группы носителей позднезарубинецкого облика [19, с. 446–447]. В этом случае, несмотря на принципиальное сходство всех раннеславянских культур колочинской, пеньковской и корчакско-пражской, некоторые существенные отличия между ними, должны определяться степенью участия в славянском этногенезе носителей культур позднезарубинецкого культурно-хронологического горизонта и киевской культуры. Следовательно, в основе отличия корчакско-пражской культуры от родственных пеньковской и колочинской культур, лежит опосредованное участие в ее становлении носителей киевской культуры [40, с. 396], при доминировании элементов других культур, например, той же пшеворской или карпатских курганов [22, с. 96–100].

Однако даже если этнокультурным ядром всех славянских культур, оказывается киевская культура [40, с. 401–403], это не помогает найти венетам место в реальной этногеографической карте Восточной Европы римского времени. Напомним, что отправной точкой процесса формирования восточных славянских народов, безусловно, является кризис (или распад) зарубинецкой культуры [3, с. 98]. Пришедшие в это время в движение группы населения с территории данной культуры, под напором сармат к середине I в.н.э., уходят на север в Подесенье, на запад в район верхнего течения Южного Буга [38, с. 136–138], смешиваются вместе с пшеворским населением в междуречье верховьев Днестра и Западного Буга Подолии (Черепин-Рипнев) [10, с. 139], а также с этнической средой местных племен в районе Днепровского Левобережья и в бассейне Северского Донца, где потом на основе позднезарубинецких древностей, возникнет сейминско-донецкий вариант киевской культуры [23; 27, с. 41–43]. Возможно, некоторые из таких мигрирующих племен, сильно изменив свой облик, доходят даже до Буджакской степи, [6, с. 271–304]. По-видимому, именно в это время, некоторые группы указанных мигрантов, получают архаичное имя венетов от своих новых соседей. Вскоре это наименование попадает в поле зрения римлян, что и отразилось в источниках. Однако, несмотря на то, что имя венетов, по всей вероятности, никогда не являлось самоназванием жителей поселений позднезарубинецкой и киевской культур, а также более поздних славян, Иордан хорошо знал, что в его время, готы называли последних, вендами. Именно по этой причине, он предпринимает попытку объяснить в своем труде данный феномен. Однако, при этом, ему приходится спроецировать события VI века, когда действительно существовали славяне, на IV век, когда такого народа еще не было, а венетами готы называли совершенно других своих соседей. Видимо низкий уровень этногеографических представлений о территории Восточной Европы, особенно о районах удаленных от побережья в глубь материка, был характерен не только для римлян, но и для готов, которые сами являлись пришлыми здесь варварами. Именно поэтому возникает желание

всякий малоизвестный и пришедший с севера народ, связывать с полулегендарными венетами/венедами, которых в первых веках нашей эры, уже практически невозможно было разместить на реальной этнической карте Европы [42, с. 43, прим. 3]. Перенос же венетов-славян из VI века в события IV столетия, был крайне необходим Иордану, так как показывал читателю, что свирепствующие сейчас повсеместно славяне, в прошлом все безропотно подчинялись власти Эрманариха.

Таким образом, в основе рассказа Иордана о покорении венетов Эрманарихом, безусловно, лежат реально существовавшие события. Однако данный рассказ не соответствует историческим реалиям в самом главном — в имени племени, с которым вели борьбу готы. Что же касается VI века, то предполагать реальное историческое существование третьей венетской группы славян с опорой на текст Иордана, также не представляется возможным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимов Д. В. Заселение территории Верхнего Подонья в эпоху Великого переселения народов: истоки, пути и ритмы // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула: Гос. Музей-заповедник «Куликово поле», 2012. Вып. 3. С. 163–179.
2. Анфертьев А. Н. Иордан // Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I–VI вв.). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1994. С. 98–160.
3. Арион О.В., Башкатов Ю. Ю., Обломский А. М., Терпиловский Р. В. У истоков славянства // Позднестаробульварские памятники на территории Украины (вторая половина I — II в. н.э.) (Раннеславянский мир. Выпуск 12). М.: ИА РАН, 2010. С. 93–110.
4. Баран В. Д. Славяне в середине I тысячелетия н.э. // Проблемы этногенеза славян. Киев: Наукова думка, 1974. С. 5–37.
5. Гавритухин И. О. Начало великого славянского расселения на юг и запад // Археологічні студії. Київ; Чернівці, 2000. Т. 1. С. 72–90.
6. Гудкова А. А. I–IV вв. в Северо-Западном Причерноморье (культура оседлого населения) // STRATUM plus. 1999. № 4. С. 233–406.
7. Егорейченко А. А. Культуры штрихованной керамики. Минск: БГУ, 2006. 213 с.
8. Зубарев В. Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М.: Языки славянской культуры, 2005. 504 с.
9. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / Иордан. Вступ. статья, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. М.: Издательство восточной литературы, 1960. 435 с.
10. Козак Д. Н. Етнокультурна історія Волини (I ст. до н.е. — IV ст. н.е.). Київ: Наукова Думка, 1992. 172 с.
11. Козак Д. Н. Взаємовідносини слов'ян і германців на території України в першій половині I тис. н.е. // Археологія. 1993. Вип. 2. С. 24–35.
12. Козак Д. Н. Венеди. Київ: Ін-т археології НАНУ, 2008. 470 с.
13. Куник А. А. Примечания к книге: Дорн Б. Каспий, о походах древних русских на Табаристан // ЗАН. 1875. Т. 26. Кн. I. С. 54–55, 430–436.
14. Левада М.Е. «Неготские» элементы в восточногерманских древностях позднего римского времени северопричерноморской зоны // БЧ. 2005. Вып. VI. С. 172–176.
15. Левада М.Е. «Другие германцы» в Северном Причерноморье позднего римского времени // Боспорские исследования. 2006. Вып. XI. С. 194–251.
16. Магомедов Б. В. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin: Wyd-wo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2001. 290 с.
17. Мачинский Д. А. К вопросу о территории обитания славян в I–VI веках // АСГЭ. 1976. Вып. 17. С. 82–100.
18. Мачинский Д. А. О прародине славян I–V вв. и о этносоциуме Русь/Ros в IX в. (чрезвычайно развернутый комментарий к некоторым сообщениям «Баварского географа») // Истоки славянства и Руси. Сборник статей по материалам X чтений памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 24–25 декабря 2005 г. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 25–127, 134–165.
19. Мачинский Д. А. Скифия — Россия. Узловые события и сквозные проблемы: в 2 т. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2018. Т. 1. 616 с.
20. Медведев А. П. III Чертовицкое городище: Материалы 1-й половины 1 тыс. н.э. // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины 1 тыс. н.э. Воронеж: Изд-во Воронежского госуниверситета, 1998. Вып. 12. С. 42–84.
21. Мячикова И. И. Венедская проблема и этногенез славян // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 1(15). Ч. 2. С. 147–150.
22. Назин С. В. Происхождение славян: реконструкция этнонима, прародины и древнейших миграций. М.: Грифон, 2017. 280 с.
23. Обломский А. М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н.э. М.; Сумы: Археологическое агентство, 1991. 287 с.
24. Обломский А. М. О памятниках лесостепного Подонья позднеимского времени // Верхнедонской археологический сборник. Липецк: Успех-Инфо, 2001. Вып. 2. С. 122–140.
25. Обломский А. М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеимское и гунское время (середина III — первая половина V в. н.э.). М.: Наука, 2002. 256 с.
26. Обломский А. М. Лесостепное Подонье // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 9). М.: ИА РАН, 2007. С. 73–132.
27. Обломский А. М. Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III — начала V в. н.э.) (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 10). М.: ИА РАН, 2007. 320 с.
28. Обломский А. М. Некоторые соображения о походах дружин короля готов Германариха на восток // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2008. Вып. 1. С. 142–162.
29. Обломский А. М., Терпиловский Р. В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века н.э. М.: ИА АН СССР, 1991. 177 с.

30. Подосинов А. В. Певтингерова карта // Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I–VI вв.). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1994. С. 63–80.
31. Подосинов А. В. Античные источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М.: Издательская корпорация «Логос», 2000. С. 21–68.
32. Рассадин С. Е. Венеты и бастарны // *Barbaricum*. 1992. Т. III. С. 9–20.
33. Рассадин С. Е. Между Альпами и океаном: венеты — «другие германцы»? // *Гістарычна — археологічны зборнік*. 2002. № 17. С. 112–122.
34. Рикман Э.М. О начале расселения и этнических контактах праславян в Карпато-Дунайских землях // *Советская этнография*. 1981. № 2. С. 167–175.
35. Русанова И. П. Славянские древности VI–VII вв. М.: Наука, 1976. 216 с.
36. Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979. 157 с.
37. Седов В. В. Современное состояние проблемы этногенеза славян // *Slavia antiqua*. 1996. Т. XXXVII. С. 25–36.
38. Седов В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М.: Языки славянской культуры, 2002. 618 с.
39. Терпиловский Р. В. Венетські племена першої половини I тис. н.е. у Півніпрор'ї // *Археологія та історія Північно-Східного Лівобережжя (I – початок II тис.)*. Суми: СДПУ ім. А. С. Макаренка, 2003. С. 16–22.
40. Терпиловский Р. В. Наследие Киевской культуры в V–VI вв. // *Archeologia o początkach Słowian: materiały z konferencji, Kraków, 19–21 listopada 2001 / pod red. P. Kaszaniowskiego i M. Parczewskiego*. Krakow: Księg. Akademicka, 2005. S. 387–402.
41. Шелов-Коведяев Ф. В. Плиний // Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I–VI вв.). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1994. С. 18–36.
42. Шелов-Коведяев Ф. В. Тацит // Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I–VI вв.). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1994. С. 37–45.
43. Шелов-Коведяев Ф. В. Птолемей // Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I–VI вв.). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1994. С. 46–62.
44. Щукин М. Б. Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой // *АСГЭ*. 1972. Вып. 14. С. 43–52.
45. Щукин М.Б. О трех путях археологического поиска предков раннеисторических славян. Перспективы третьего пути // *АСГЭ*. 1987. Вып. 28. С. 103–118.
46. Щукин М. Б. На рубеже эр: Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. — I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.: «Фари», 1994. 324 с.
47. Birkhan H. *Kelten. Versuch einer Gesamtdarstellung ihrer Kultur*. Wein: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1997. 1270 s.
48. Ebert M. *Südrufland im Altertum*. Bonn: K. Schroeder, 1921. 436 s.
49. Gołdowski K. *The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1970. 126 s.
50. Hachmann R. *Die Goten und Skandinavier*. Berlin: Walter de Gruyter, 1970. 584 s.
51. Hachmann R., Kossak G., Kahn H. *Germanen und Kelten am Rhein in der Zeit um Christi Geburt // Völker zwischen Germanen und Kelten*. Neumünster, 1962. S. 9–68.
52. Kolendo J. *Wenetowie w Europie środkowej i wschodniej. Lokalizacja i rzeczywistość etniczna // Przegląd historyczny*. 1984. T. 75. Z. 4. S. 637–653.
53. Kossina G. *Die deutsche Vorgeschichte*. Würzburg: Curt Habitzsch, 1914. 255 s.
54. Kostrzewski J. *Germanie przedhistoryczny w Polsce // Przegląd Archeologiczny*. 1946. T.7. S. 65–89.
55. La Baume W. *Urgeschichte der Ostgermanen*. Danzig: Danziger Verl.-Ges., 1934. 167 s.
56. Much R. *Deutsche Stammeskunde*. Leipzig: Kessinger Publishing, 1900. 150 s.
57. Nowakowski W. *Ludy na północno-wschodnich skrajach Barbaricum. «Germania» Tacyta w świetle analizy źródeł archeologicznych // Meander*. 1990. Bd. 2. H. 3. S. 75–96.
58. Nowakowski W. „HIS SVEBIAE FINIS“ — Concept of the Border of the Barbarous World at the East Baitic Coast in the Roman Period // *Barbaricum*. 1992. T. 2. S. 218–230.
59. Okulicz J. *Einige Aspekte der Ethnogenese der Balten und Slawen im Lichte archaologischer und sprachwissenschaftlicher forschungen // Quaestiones Mediaevi*. V.III. 1986. S. 7–34.
60. Schmidt L. *Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgange der Völkerwanderung, 1. Abteilung: Die Geschichte der Ostgermanen*. Berlin, Weidmann, 1910. 493 s.
61. Schmidt L. *Die germanischen Reiche der Völkerwanderung*. Leipzig: Quelle & Meuer, 1913. 550 s.
62. Schwarz E. *Germanische Stammeskunde*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 1956. 248 s.
63. Šćukin M., Kazanski M. et Sharov O. *Des les Goths aux hunns: Le nord de la mer noire au Bas — empire et a I, époque des grandes migrations / Archaeological Studies on Late Antiquity and Early Medieval Europe (400–1000 A.D.): Monographs I. British Archaeological Reports International Series 1535*. Oxford: John and Erica Hedges Ltd., 2006. 482 p.
64. Zeuss K. *Die Deutschen und Nachbarstämme*. Heidelberg: Carl Winters universitätsbuchhandlung, 1925. 778. s.

© Ярцев Сергей Владимирович (s-yartsev@yandex.ru), Лебединец Наталия Викторовна (lebedinecnv@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»